

ГЛАВА 1

1

Выйдя на обрыв, Марта оглянулась: за шумом ветра ей почудились шаги. На лесной тропе, конечно, никого не было. Люди здесь не появлялись очень давно.

Змеиное тело реки рассекал надвое песчаный островок, за которым черная вода сливалась воедино. На островке гнездились чайки, надрывались так, что непонятно было, как собственный крик не раздирает им горло, но иногда внезапно стихали — все разом, словно кто-то беззвучно приказывал им: «Чш-ш-ш».

Ниже по течению река изгибалась, и там, за поворотом — отсюда не увидеть — была пристань. На другую сторону ходил паром, в основном перевозя старух, изредка выползавших в город из своей Ткачихи — единственного обитаемого места среди громадного массива безымянного леса, так и называемого: Лес, как река называлась Рекой, хотя на карте было у нее какое-то невнятное, ничего не отражающее имя.

Прежде Марта никогда не спускалась к воде.

Шишига говорит: все реки слепы, кроме этой. Не вздумай даже приближаться к ней, девочка, — темная вода заберет тебя, как забрала тех двоих. Здесь обита-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

ет смерть, щерится из-под коряги, сплетает жидкие водоросли в удавку.

Маленький Оська, утонувший четырнадцать лет назад, не хотел купаться, он только бродил по берегу. Марта уверена, что сердце его замирало от сладкого ужаса и он чувствовал себя отчаянным храбрецом — глупый мальчишка, нарушивший запрет.

Анну, почтальоншу, в тот день занесло на крышу дома. Не подумайте, что ветром: Анна Козарь такова, что может остановить любой ветер, всего лишь оперев руки в бока. Она забралась туда сама, чтобы укрепить разболтавшийся флюгер, и заметила мальчика.

Ее пронзительный крик донесся до Оськи. Он услышал, обернулся и...

Это был оползень, утверждают в городе, песчаный оползень, мальчик стал жертвой несчастного случая. Едва он оказался в воде, течение подхватило его, словно щепку, закрутило и вынесло на стремнину.

Шишига говорит: неправда. Все было иначе. Что-то быстрое, гибкое как хлыст скользнуло из реки; оно обвилось вокруг тощей Оськиной шеи и потащило вниз. Анна молчит об этом: не желает прослыть сумасшедшей. Марта видела сумасшедших — старуху с палкой, что ходила вокруг магазина с огромным узлом, откуда торчали рваные тряпки, и худого старика, который неровно держал голову и смотрел на жизнь одним глазом. Кто захочет быть похожим на них? Да никто. Но этот образ — вода, щупальце, быстрое движение и всплеск — запал ей в душу.

«Поклянись, что никогда не пойдешь к реке». Марта пообещала, скрестив за спиной пальцы, и зажала между зубами язык. Кто зажмет — тот соврет.

Шишига однажды сказала: самые хорошие истории начинаются с того, как кто-то нарушил запрет. И самые плохие тоже, добавила она, но эту часть Марта пропустила мимо ушей.

КТО ОСТАЛСЯ ПОД ХОЛМОМ

2

Она оставила под сосной пыльные кеды, спрыгнула на откос и заскользила вниз по теплому песку. Флакончик духов, украденный у Киры Михайловны, оттягивал карман.

Обманчиво тихая вода у берега была совсем прозрачной. В ней, как в стекле, застыли неподвижно серебряные ясноглазые мальки. Марта протянула руку, и стайка метнулась из-под накрывшей ее тени.

— Встали ночью в хоровод, — отчетливо проговорила Марта, — ведьма, леший, черный кот, старый гном и домовой. Прячься быстро, кто живой!

Сейчас полдень, а вернуться нужно до пяти.

— Клад зарыли под холмом ведьма, леший, старый гном, домовой и черный кот. Там один из них умрет.

Марта сунула руку в карман, и пальцы на миг сомкнулись вокруг граненого стекла. Не забыть перепрятать, сказала она себе, иначе снова начнется...

Футболка и шорты полетели на песок. Марта вошла в реку и невольно ахнула: ее мгновенно пропитало холодом, точно губку. Кира Михайловна рассказывала о ледяных подземных ключах, бьющих на дне.

— Клад зарыли под холмом... — выговорила она, стуча зубами.

И поплыла.

К сильному течению Марта была готова, но не думала, что вода окажется слоистой, как пирог. Сверху еще можно было дышать, однако метром ниже плоть реки непостижимым образом твердела и в кожу впились сотни снежных игл, отточенных сосуллек.

Устав, Марта перевернулась на спину. Взмах — гребок. Взмах — гребок. Она отталкивалась от упругой воды, преодолевая сопротивление, рывками продвигаясь все дальше и дальше.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Когда в начале мая, сухого и знойного как самум, Марта стала каждое утро сбегать из дома, бабка заподозрила дурное. Пару раз тайком последовала за ней, надеясь поймать на очередном преступлении. Однако ее ждало разочарование: Марта всего лишь плавала на Долгом озере, из конца в конец, с упорством спортсмена, готовящегося к соревнованиям. День за днем, неделя за неделей, без перерывов и поблажек, все увеличивая расстояние, которое она могла проплыть, не испытывая усталости.

Ведьма, леший, старый гном...

Подняв голову, Марта с изумлением обнаружила, что течение снесло ее ниже островка, на котором она собиралась отдохнуть. Внезапно нахлынувший страх парализовал ее, и тотчас Марту потащило вниз по реке, точно рыбу, заглотившую наживку. Сволочь, выругалась она, отпусти меня!

Однако самые энергичные гребки больше не продвигали ее к цели. Тело готовилось сдаться на волю реки, точно малодушный солдат, не слушающий команд военачальника. Отдохнуть, уснуть, застыть в речном стекле подобно серебряным малькам...

Там один из них умрет.

Вон он, берег. Створки моллюсков, высохший ситник, бурые порезы глины в белом песке... И воздух! Сколько хочешь воздуха!

В ушах зашумела волна, берег потерялся за багровым туманом. Маленького человека — нет, не человека, механическую куклу с кончившимся заводом, чьи движения диктовала лишь инерция, — река обхватила крепче. Будь моей игрушкой, рыбкой, цветным камушком!

Но пловец бился отчаянно. Метр за метром, метр за метром...

Река нехотя отпустила добычу.

КТО ОСТАЛСЯ ПОД ХОЛМОМ

Кашляя, Марта выбралась на берег и обмякла на песке. Счастье! Перевернуться на спину, раскинуть руки и дышать, дышать, дышать...

— Я тебя победила! — пробормотала она.

Пятки насмешливо окатила волна.

Следов человека не было. Ни пустой сигаретной пачки, ни обрывка рыболовной сети, ни дохлой полиэтиленовой медузы. Марта поднялась и победно оглядела длинную прибрежную полосу.

От моллюсков разило тиной. Она перевернула одно, воткнула беззубку в песок створками вверх. Так делают все моряки, чтобы, вернувшись, съесть подкоптившуюся на солнце мякоть.

Гнус назвал ориентир: линия электропередач. От черного столба идти на север, пока не упруешься в холм. У Марты не было ни лопаты, ни компаса, но она умела ориентироваться по солнцу, а вести раскопки планировала в другой раз, сперва — разведка.

Корабельные сосны, которые она любила больше всего на свете, остались на том берегу. Золотые свечи, зеленое пламя крон, бронзовые блики. О том, что все деревья растут к солнцу, Марта читала в учебнике и, если бы не Кира Михайловна, вырвала бы живую страницу и сожгла. Бледные болезненные осины — разве тянутся они вверх? Украдкой, таясь, расползаются от болот, шелестя, как гигантские мотыльки. А береза? Ветви льются к земле, по ночам шепчутся с травой. Липа гостеприимнее всех: распахивает объятия широко, и солнце ей ни к чему, она сама себе солнце.

Лес на этой стороне реки был особенный — царство черной ели, дерева сильного, злого и могущественного. Дух стоял сырой, тяжелый, грибной. В пятки влива-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

лись иглы и шишки, но Марта даже не ойкала: кожа на подошвах у нее давно загрубела и потеряла чувствительность. Там, где ели неохотно раздвигались, освобождая место для подлеска, все заполнял жесткий папоротник.

Она пробиралась через чащу, с восторгом разглядывая новый мир. Тяжело провисающие нижние ветви с каймой высушенных желтых игл — словно юбки колдуний, кружащихся в пляске, а волны мха — их постель. И сколько шишек! Связки, гирлянды, ожерелья...

Диких зверей Марта не боялась. Экзекуции, которым регулярно подвергала ее бабка, повлияли не только на характер Марты, но и на ее голосовые связки: она научилась истошно визжать. Звук был невыносим: бабка швыряла ремень и выскакивала за дверь, зажимая уши. Благодарить за эту способность следовало фильмы о волшебнике Гарри Поттере: однажды увидев на экране мандрагору, Марта раз и навсегда выбрала ролевою модель для общения с разъяренной старухой.

Она шла, и шла, и шла. Солнце припекало. Столбов не было и в помине, а ведь Гнус клялся, что до них не больше получаса ходьбы.

Тесный купальник с его дурацкими лямками Марта давно стащила и обвязала вокруг пояса. Ее не смущала ни нагота, ни царапины, которые ветки оставляли на ее теле. Но линия электропередач — отчего ее нет?

Марта легла в мох и стала думать. Почему она не нашла холм? Сбилась с пути? Неправильно выбрала направление?

Надо было нарисовать карту, взять с собой питьевую воду! Придется возвращаться ни с чем.

Обратный путь дался ей легко. Не будь по эту сторону реки до ближайшего жилья двадцать киломе-

КТО ОСТАЛСЯ ПОД ХОЛМОМ

тров, она заподозрила бы, что здесь кто-то постоянно ходит.

Страхивая липкую паутину, Марта выбралась из-под полога леса. Застегнула купальник, вытащила из волос брыкающуюся лесную живность, щелчком отправила в песок. Подняла глаза, и сердце ухнуло в живот.

На берегу стоял человек с черным лицом.

В его облике было что-то невыразимо страшное. Если бы на воде качалась лодка, Марта перепугалась бы до смерти, но этот ужас был бы рационален и объясним, как паника грабителя, увидевшего шерифа с ружьем. Но на нее смотрел не рыбак, выследивший нарушительницу, не заблудившийся турист.

— Ыыы!

Существо пошло к ней, двигаясь как-то странно, враскачку, щуря глаз.

— Эыыы!

Марта замерла. Человек протянул к ней руки:

— Давай сюда-а-а!

Молниеносно пригнувшись, Марта зачерпнула горсть песка и швырнула ему в лицо.

Он взвыл, словно это был не песок, а битое стекло, и принялся тереть глаза. Воспользовавшись короткой передышкой, она схватила сухой обломок коряги, ткнула противника в живот, и он отчаянно, но бестолково замахал руками. Марта перехватила оружие удобнее. Сердце скачками бежало откуда-то снизу, от пяток вверх, до макушки и обратно, словно спринтер, потерявший свою трассу.

В лес нельзя — заблудится, сгинет. В воду? А вдруг он плавает быстрее? Остается одно: мчаться вниз по берегу, пока не поравняешься с паромом, и тогда орать что есть силы, махать руками, надеясь, что заметят с другого берега и спасут.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Марта напоследок швырнула в него свою корягу и сорвалась с места. За спиной послышался все ускоряющийся топот. Набросится, вонзит зубы в шею, растерзает и уволочет останки в чащу.

Вдруг раздался хриплый крик боли. Топот оборвался, и, обернувшись, Марта увидела своего преследователя на песке: страшный человек, подвывая, прижимал к себе собственную ступню, словно баюкал младенца. Песок под ней потемнел от крови.

Ракушка! — осенило Марту. Моллюск, ее неприкосновенный продуктовый запас! Он должен был свариться под солнцем, а превратился в миниатюрный капкан; острые створки распахнулись, словно венерина мухоловка, но поймали не муху, а гигантского черного паука.

— Теперь сам помучайся! — выкрикнула Марта.

Убедившись, что преследователь выведен из строя, она перевела дух. Ее потряхивало, и сладковатый привкус изгнанного ужаса еще чувствовался на языке, но в голове уже зашумело от опьянения победой.

Вопли перешли в поскуливание.

Ревет! Так ему и надо. Хотел убить ее, а вместо этого охромел.

Марта сплюнула на песок. Торжество вытеснилось беспокойной мыслью: надо бы рассказать взрослым о твари, что живет на запретном берегу.

Человек продолжал скулить.

— Да заткнись ты!

Поскуливание сменилось прерывистыми всхлипами. Марта остановилась, топнула ногой.

Чужих слез она не выносила. Зачем, зачем он ревет! При звуках плача у нее внутри как будто кто-то переезжал пополам червяка; она ненавидела, когда переезжают червяков.

— Ы-ы-ы! Бо-о-о-о-льно!

КТО ОСТАЛСЯ ПОД ХОЛМОМ

Она скрипнула зубами и повернула обратно.

Шаг, другой, третий. Вдруг это ловушка...

В пяти метрах Марта остановилась. Отсюда паук выглядел обычным мужчиной, довольно неопрятным. Он поднял к ней лицо, и стало видно, что слезы прочертили на его лице длинные светлые бороздки.

— Да ты грязный, — невольно сказала Марта. Загадка страшной черной морды разъяснилась.

— Больно, — снова пожаловался человек.

Она присела на корточки. Рана выглядела нехорошо. Казалось бы, нет никого безобиднее речного моллюска, а поди ж ты — рассек бедняге ступню чуть ли не до кости. С людьми дело обстоит точно так же, Марта давно это заметила. Вспомнить хотя бы Гнуса...

— А зачем ты меня убить хотел? — Она шмыгнула, придвинулась ближе.

Он взглянул недоуменно и испуганно. Челюсть отвисла, как у ребенка, кажется, он снова собирался зареветь.

— Ладно, проехали, — буркнула Марта. — Покажь. Покажь, кому говорю!

До воды ему пришлось доползти самому, и пока Марта промывала рану, он сидел молча, лишь иногда кривясь от боли. Грязный, заросший как черт; пахнет свалывшейся собачьей шерстью; глаза то ясные, то плещется в них какая-то муть. Рот перекошен. Несколько раз, ловя на себе короткий взгляд, Марта почти решалась удрать, но что-то ее останавливало. Моллюск, вот что. Это ведь она укрепила ракушку в песке.

В карманах его нелепых трико — господи, кто по такой жаре носит трико! — нашлись три обсосанных до прозрачности липких леденца и расческа без половины зубов.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Платка мы с собой, значит, не носим, — сказала Марта противным бабкиным голосом.

Пришлось пожертвовать для перевязки его рубахой.

Когда он поднялся, стало ясно, что сам идти не сможет. Мужчина вопросительно посмотрел на Марту и как будто даже съежился, страшась ее отказа.

— Показывай, куда двигаем, — вздохнула она.

3

Все-таки это была тропа. То, что Марта принимала за естественные просветы между елями, оказалось дорожками; похоже, их использовали не часто.

Они дошли бы быстро, если б не хромота ее спутника. Он опирался на ее плечо, и Марта сама чуть не падала под его тяжестью.

— Ты под холмом живешь? — спросила Марта.

— Холмом?

— Ну, под горой.

— Тут гор нее-ету. — Он говорил немного в нос, гнусаво. — Это ле-е-ес.

Тьфу, бестолочь.

— А где твой дом? — допытывалась она. — Откуда ты взялся?

— Я тут живу-у.

— Ну, хорошо, а зовут тебя как?

Он остановился, посмотрел на нее сверху вниз и с удовольствием выговорил, растягивая гласные:

— Мало-ой.

— Малой? Нет, это прозвище. А зовут? Имя, понимаешь? Как тебя мама назвала?

Он помрачнел и дернул углом рта.

КТО ОСТАЛСЯ ПОД ХОЛМОМ

— Была же у тебя мама!

В темных полусонных глазах промелькнуло что-то пугающее, как если бы под рыбацкой лодкой беззвучно прошла огромная тень и растаяла в глубине.

— Сирота, значит, — торопливо согласилась Марта и увидела на поляне дом.

Надежды на ведьмино обиталище рассеялись. Прозаическая изба из старых темных бревен, за невысоким частоколом — бочки с дождевой водой, грядки и сарай. Из окон выплывали лебедями на удивление чистые, даже, кажется, накрахмаленные занавески.

Их принял прохладный сумрак дома; пот высох, и Марта покрылась противными мурашками. Пахло гречкой, уютным домашним запахом, и, заметив на плите укутанную кастрюлю, она немного успокоилась. Там, где варят гречку, никогда не случается ничего плохого (кроме, конечно, самой гречки).

— Малой!

— Тут я! Иди сюда! В дальнюю комнату!

Марта пошла на голос, отмечая про себя, что ее новый знакомец стал разговорчивее и больше не заикается. Он нашелся за дверью: стоял на коленях над грудой тряпья, в которой Марта распознала скрюченного мертвеца. Она лязгнула зубами от ужаса. Малой повернулся.

— Тебе! — По его лицу растеклась улыбка.

Никакой не мертвец. Всего лишь свернутый в валик матрас.

На мозолистой ладони темнела выточенная из дерева лошадка на шнурке. Марта осторожно взяла ее.

— Тебе!

Он накрыл ее руку своей и залопотал что-то быстро-быстро, перейдя на птичий язык. Марта с трудом разбирала, что это его любимая игрушка... они теперь друзья... друзьям дарят подарки...